

Р.Б. Шайхисламов
R.B. Shaikhislamov

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СОЦИАЛЬНОЕ СОТВОРЧЕСТВО

INTERCULTURAL DIALOGUE AS SOCIAL CO-CREATION

Аннотация: В предлагаемой читателю главе автор рассматривает сущность и уровни диалога путем сравнительного анализа различных форм социальных коммуникаций. Уточняется понимание межкультурного диалога как процесса сотворчества новых идей, смыслов, значений представителями различных культур. Анализируются возможности различных форм социальной коммуникации в однообразных, разнообразных и многообразных в этническом, языковом, конфессиональном и т.д. плане. Утверждается, что полноценный межкультурный диалог возможен в многообразных социальных пространствах. Основное внимание уделяется аргументации тезиса о том, что общественный диалог, в том числе межкультурный, является механизмом формирования новых социальных общностей на основе сотворчества образа (идей, мечты, целей) будущего страны, региона, конкретного города, села.

Abstract: In this chapter, the author examines the essence and levels of dialogue through a comparative analysis of various forms of social communications. The understanding of intercultural dialogue as a process of co-creation of new ideas, meanings, meanings by representatives of different cultures is clarified. The possibilities of various forms of social communication in monotonous, diverse and diverse in ethnic, linguistic, confessional, etc. are analyzed. plan. It is argued that a full-fledged intercultural dialogue is possible in diverse social spaces. The main attention is paid to the argumentation of the thesis that public dialogue, including intercultural dialogue, is a mechanism for the formation of new social communities based on the co-creation of the image (ideas, dreams, goals) of the future of the country, region, particular city, village.

Ключевые слова: Диалог, межкультурный диалог, социальная интеграция, социальное творчество, многообразие, образ будущего.

Key words: Dialogue, intercultural dialogue, social integration, social creativity, diversity, image of the future.

Понятия «диалог культур», «межкультурный диалог» содержат двоякий смысл. С одной стороны, культура сама по себе, вне личности и социума, является не субъектом, а сложившейся в определенной социальной среде программой коммуникации. Коммуникативные действия осуществляют конкретные индивиды, но – в рамках культуры и социума. В этом плане диалог культур следует понимать как коммуникативные взаимодействия и коммуникативные взаимосвязи представителей разных (этнических,

конфессиональных, профессиональных, региональных, поселенческих и иных) культур. При этом участники коммуникации представляют не только определенные культуры, но и самих себя как индивидов. Они обсуждают различные события, процессы, проблемы, исходя не только из общепринятых, но и собственных идеалов, принципов, убеждений, правил, не во всем и не всегда полностью совпадающих с культурой тех социумов, представителями которых они являются. Но большей частью в процессе обсуждения событий, процессов, проблем в той или иной степени индивиды действуют в рамках культуры тех общностей, которые представляют.

С другой стороны, обсуждение тех или иных тем между представителями разных культур неизбежно приобретает обмен смыслами, значениями, нормами, укоренившимися в этих культурах. Обмен смыслами, значениями осуществляется в границах принятых «по умолчанию» или конвенционально обозначенных правил. В этом смысле межэтническая, межконфессиональная, межцивилизационная коммуникация есть и (меж)культурная коммуникация.

Диалог культур – это разновидность коммуникации между представителями разных культур. Но слово «разные» лишь указывает на неодинаковость как социальной, так и культурной принадлежности участников коммуникации. Каждая сторона относится к другой стороне коммуникации как к инаковости. Различие между участниками коммуникации может обозначаться различными словами – «разнообразие», «многообразие», «неодинаковые», «всевозможные» и т.п. Между тем эти слова имеют в себе различный смысл и обозначают различные формы взаимодействия культур.

В условиях принципиального совпадения базовых смыслов, значений, знаний, что наблюдается в условиях культурного однообразия, коммуникация может быть фатической (коммуникацией ради коммуникации, ради подтверждения и сохранения культурных стандартов). Диалог в рамках культурного однообразия в социуме, разумеется, всегда происходит, но он возможен, если обнаруживается в этом однообразии новое, нетрадиционное, необычное. Понимая «совершенный» диалог как равноправную, симметричную коммуникацию, как сотворчество его участниками новых смыслов, значений, знаний, считаем, что он возможен преимущественно в условиях социокультурного многообразия. Диалог затруднен в условиях социокультурного однообразия, так как несходные, разнообразные смыслы, значения, знания у субъектов коммуникации делают невозможным смысловое взаимопроникновение и сотворчество. Используя терминологию Н.Лумана, диалог как форма коммуникации существует как «различение различий». В условиях социокультурного однообразия и социокультурного разнообразия наблюдается, как правило, разрыв между различением различий.

В современной, особенно зарубежной, литературе встречаются различные понятия для обозначения моделей этнического развития современных обществ – мультикультурализм, бикультурализм,

интеркультурализм, транснационализм, путь культурного развития [11]. Терминологическая сложность, нацеленная на объяснение реалий нового века и поиск моделей оптимального развития становящейся новой этнокультурной сложности западных стран, обусловлена неопределенностью контуров и страновыми различиями этой сложности. Что касается состояния и тенденций этнокультурного развития нашей страны, то, как мы полагаем, более адекватным термином является «многообразие», наиболее близкое по смыслу модели интеркультурализма. В то же время, европейский вариант интеркультурализма, как отмечают А.И. Куропятник и М.С. Куропятник, сегодня выступает как модель интеграции в контекстах разнообразия, способ осмысления глобализированной реальности и интеркультурный диалог («позитивное взаимодействие» [14].

Различие между различными моделями Э.А. Паин и С.Ю. Федюнин видят в том, что «если для мультикультурализма центральным является вопрос поддержки властями культурного разнообразия в публичном пространстве, то в центре внимания интеркультурализма – идея и практика межкультурного диалога и взаимодействия. Иными словами, базовая посылка интеркультурализма заключается скорее в поиске контактов и объединяющих элементов между культурными сообществами, нежели в защите или поощрении их обособленности» [17, с.117].

В научной литературе используется также термин «этнокультурное разнообразие» (и даже – для характеристики европейских стран, переживающих интенсивный миграционный приток – «суперразнообразие»). В условиях нового «суперразнообразия» основная идея мультикультурализма о «мирном сосуществовании» разнородных этнических групп не только сохраняется, но и дополняется тезисом о необходимости межкультурного диалога [15].

Появление новых терминов может внести еще больше неясности в изучении межкультурного диалога. Дело не в том, какой из них является более точным, «правильным»; этнокультурные процессы по своим характеристикам не могут быть обозначены только одним термином. Нам представляется более адекватным для определения различных типов взаимодействия культур (особенно в рамках российской цивилизации) использование терминов «социокультурное многообразие», «социокультурное разнообразие» и «социокультурное однообразие». Термин «многообразие», в основе которого находится понятие множества (в математике обозначающее совокупность элементов, обладающих общими свойствами, имеющими общую базу), лучше применять для качественной характеристики различных социумов. Определенное количество этнических групп в конкретном социальном пространстве представляет собой этнокультурное многообразие в том случае, когда они образуют новую культурную социальную надсистему.

Мы исходим из того, термин «социокультурное разнообразие» более точно обозначает совокупность несходных, существенно отличающихся друг от друга, преимущественно закрытых друг для друга культур в одном

социальном пространстве. Открытость и закрытость и есть различительные характеристики культурного многообразия и культурного разнообразия. Более подробно на характеристике культурного многообразия, разнообразия и однообразия мы писали в одной из предыдущих работ [20].

Насколько возможен в условиях суперразнообразия межэтнический диалог (который постулируется как часть интеркультурализма)? И насколько применим к российским реалиям такая модель управления культурными различиями, как интеркультурализм? Э.А. Паин и С.Ю.Федюнин отмечают, что «прямое заимствование или копирование зарубежных моделей в российских условиях представляется не только маловероятным, но и едва ли продуктивным: без опоры на собственные локальные предпосылки заимствования редко оказываются успешными», хотя различные элементы опыта других стран могут быть использованы в российских городах [17, С. 122-123].

Если говорить об особенностях этнокультурной, конфессионально-культурной и регионально-культурной картины российского социума, то использование какого-либо одного термина для ее характеристики является недостаточным. В нашей стране есть региональные или субрегиональные пространства с преобладающим социокультурным однообразием, в которых абсолютное большинство населения представлено одним этносом и/или конфессией. Существуют разнообразные в социокультурном плане пространства – с этническими анклавами, с обособленными друг от друга этническими и конфессиональными группами. Имеются и пространства преимущественно в социокультурном отношении многообразные социальные пространства, в которых не только представлено множество культур, но и сложились на уровне организаций, жилых кварталов и домов, городской и сельской среды тесные и повседневные контакты между представителями разных культур. Культурное многообразие формирует общую базу, матрицу смыслов и значений, норм поведения и общения; оно предполагает и наличие языков межэтнического общения, и билингвизм и полилингвизм. Такие социальные пространства сформировались в большинстве регионов Урала и Поволжья, в мегаполисах. Если же говорить в целом о России как едином социокультурном пространстве, то оно характеризуется переплетением культурного многообразия, разнообразия и однообразия. Поэтому какой-либо единой, универсальной модели управления этнокультурными процессами, эффективно работающей в рамках всей страны, не может быть. Все зависит от конкретной этнокультурной картины в конкретном, регионе, субъекте страны и муниципалитете.

Если речь идет об этнокультурных коммуникациях, в том числе и о межэтническом диалоге, следует отметить, что их субъектами сами по себе этнические группы как одно целое не являются. В межэтнический коммуникативный процесс вовлечены лидеры или авторитетные представители этнических общностей, средства массовой информации, общественные организации, органы власти, представители общественности (те, кто озабочен определенными проблемами и предлагает те или иные их

решения). Эти субъекты межэтнической коммуникации могут позиционировать себя как представителей единых интересов и позиций этнической группы. Но интересы и позиции даже в самой консолидированной этнической группе неоднородны. Неизменно проявляются и «спираль молчания», и равнодушие к проблемам этноса у отдельных его представителей.

Межэтническая коммуникация большей частью осуществляется на межличностном уровне, а также на уровне микро-групп. При этом ее предметом не обязательно является этническая тематика. И не всегда в этой коммуникации субъекты позиционируют себя в качестве представителей определенных этносов. Поэтому о межэтническом диалоге нельзя рассуждать отвлеченно от уровней, форм, субъектов и тематики коммуникаций. Сказанное относится и к исследованию межконфессиональной коммуникации.

Проблематика межкультурного диалога – многогранна, неисчерпаема, особенно в современных условиях глобализации, нарастания сложности и неопределенности социальной реальности. Но, тем не менее, анализ межкультурного диалога предполагает выявление его типов, особенностей, отличительных черт.

Несомненный интерес в этом плане представляет типология коммуникаций В.Н. Сагатовского. Он в одной из своих работ выделял следующие уровни коммуникации. Первый – манипулирование; один субъект рассматривает другого как средство или помеху своей деятельности, как объект особого рода. Второй уровень – «рефлексивная игра»; один субъект в проекте своей деятельности учитывает «контрпроект» другого субъекта, но не признает за ним самоценности и стремится к выигрышу, к реализации своего проекта и к блокированию чужого. Третий – «правовое общение»; объекты признают право на существование проектов деятельности друг друга, пытаются согласовать их и вырабатывают обязательные для взаимодействующих сторон нормы такого согласования, вместо выигрыша и власти они стремятся к справедливости, но детерминация этого стремления может оставаться внешней. Пятый – «нравственное общение»; это высший уровень субъект-субъектных отношений, на котором субъекты внутренне принимают общий проект взаимной деятельности как результат добровольного согласования проектов деятельности друг друга; такие отношения являются дискретными и в то же время имеют единую основу (ключевой признак). Этот высший уровень общения и есть диалог. [18, С.84-85]. Заметим, что эти идеи во многом перекликаются с пониманием Ю.Хабермасом коммуникативного действия как взаимного согласования субъектами проектов деятельности.

В.А.Лекторский рассматривает диалог как высший уровень проявления толерантности. Он различает четыре модели толерантности – безразличие, невозможность взаимопонимания, снисхождение, расширение собственного опыта и критический диалог. Толерантность при первом ее понимании выступает по существу как безразличие к существованию различных

взглядов и практик, так как последние рассматриваются в качестве неважных перед лицом основных проблем, с которыми имеет дело общество. Согласно пониманию толерантности как невозможности взаимопонимания религиозные, метафизические взгляды, специфические ценности той или иной культуры не являются чем-то второстепенным для деятельности человека и для развития общества. Толерантность в данном случае выступает как *уважение* к другому, которого я вместе с тем *не могу понимать* и с которым не могу взаимодействовать. В третьем случае толерантность выступает как *снисхождение* к слабости других, сочетающаяся с некоторой долей *презрения* к ним. Толерантность как расширение собственного опыта выступает как *уважение* к чужой позиции, сочетающееся с установкой на взаимное изменение позиций в результате *критического диалога* [16].

М.Д. Валовая и В.С. Комаровский выделяют три модели информационного воздействия на массовое сознание – «классическую» («механистическую», «объектную»), «неклассическую» («релятивистскую», «субъектную») и «постнеклассическую» («субъектную», «синергетическую»). При классической модели аудитория выступает не более чем объект воздействия. Неклассическая модель, суть которой состоит в манипуляции объектом, предполагает дополнение субъект-объектных отношений субъект-субъектными. В основе постнеклассической модели лежат равноправные субъект-субъектные отношения; суть этой модели определяется как диалог [19, с.33-38].

Основанием для типологии уровней коммуникации, в том числе диалога, может быть различие *командного и передающего аспектов в сообщениях*, предложенное в свое время психиатром и антропологом Г.Бейтсоном [4]. На основе такого различия американский психолог и психиатр П.Вацлавик полагает, что коммуникация не только предоставляет информацию (передающий аспект), но и налагает обязательство на поведение (командный аспект). Передающий аспект сообщения предоставляет собой *содержание* сообщения, тогда как командный аспект относится к *взаимоотношению* между коммуникаторами [10, С.47-48].

Соотношение двух аспектов в конкретных сообщениях может варьироваться от полного преобладания одного и нивелирования другого. В одном варианте передающий аспект непосредственно вытекает из командного аспекта и не носит автономного, самостоятельного характера. В другом варианте передающий аспект декларируется как цель коммуникации, хотя интенционально подчинен командному аспекту. Эти два варианта обозначим соответственно как *директивную* и *манипуляционную* коммуникацию.

В директивной коммуникации информация передается в той мере, в какой это необходимо для *открытого* наложения обязательств на поведение другого субъекта. В манипуляционной коммуникации передающий аспект подчинен *скрытому* наложению обязательств на поведение другого субъекта; адресат сам налагает на свое поведение определенные обязательства, в соответствии с интенцией, содержащейся в сообщении коммуникатора.

Командный и передающий аспекты могут быть и *автономными* друг от друга. Эта автономность проявляется в том, что в субъект коммуникации налагает определенное обязательство на *собственное* поведение. Такой способ осуществления коммуникации, который обозначим как *толерантный*.

Особым способом коммуникации является подчинение командного аспекта сообщения передающему аспекту. Целью коммуникации становится при этом не взаимоотношения участников коммуникации, а собственно сама коммуникация – содержание информации, производство информации. Решающее значение приобретает не статус коммуникаторов, не их властные или функциональные полномочия, не характер их взаимоотношений, а обмен знаниями, мнениями, опытом и т.д. По сути, данный способ коммуникации и есть *диалог*.

Таким образом, различные комбинации передающего и командного аспектов определяют четыре основных способа коммуникации – *директивный, манипуляционный, толерантный и диалоговый*.

Более подробная характеристика этих способов может быть представлена при рассмотрении коммуникации как систему *действий, связей и организации*. По субъектам коммуникация представляет сочетание таких типов коммуникативного действия, как *воздействие, противодействие, бездействие и содействие*. Когда мы рассматриваем коммуникацию как форму связанности, взаимообусловленности субъектов, то она является в формах *односторонней, двухсторонней или многосторонней зависимости* субъектов от информационных ресурсов, каналов передачи сообщений, которыми ассиметрично или симметрично располагают участники коммуникации. Когда коммуникацию рассматриваем как организованный в определенных границах процесс, то речь идет о *культуре* коммуникации, о ценностно-нормативных ее границах (дискурсивное, обще-нормативное и обще-смысловое программирование, оформление, согласование коммуникации [22]).

Рассмотрим коммуникативные действия, связи и организации относительно межкультурной коммуникации. Директивный способ представляет собой открытое воздействие и/или противодействие одного субъекта межкультурной коммуникации в отношении другого; одностороннюю, асимметричную зависимость от информационных и иных коммуникационных ресурсов одной из сторон; жестко нормативную (не предполагающую выход за пределы установленных правил общения) организацию общения. Манипуляционный способ характеризуется, во-первых, скрытой интенцией воздействия и/или противодействия одного субъекта межкультурной коммуникации в отношении другого; во-вторых, односторонней зависимостью от ресурсов одного из участников коммуникации; в-третьих, двустороннюю, но асимметричную организацию коммуникативного процесса на конвенциональной (согласованной) основе. Толерантный способ представляет собой систему, включающую бездействие (отказ в той или иной степени от воздействия, противодействия и содействия) одной или обеих сторон межкультурной коммуникации;

одностороннюю или двухстороннюю независимость (суверенность) от коммуникационных ресурсов участников коммуникации; ассиметричную (неравноправную) и нормативно-конвенциональную форму организацию коммуникативного процесса. Диалоговый способ основывается на взаимном содействии участников межкультурной коммуникации; двухсторонней заинтересованности в коммуникативных ресурсах участников; симметричной и смысловой (творческой) формы организации коммуникативного пространства.

Организация коммуникативного процесса представляет собой, с одной стороны, нормативные и смысловые ограничения коммуникативных действий и связей, с другой стороны, институционально оформившиеся ценностно-нормативные программы коммуникативных процессов. Такие границы и программы представляют собой различные *культуры* социальных коммуникаций.

Культура директивной коммуникации характеризуется признанием субъектами, в том числе межкультурного общения, границ и программы принуждения и односторонней зависимости как нормального и значимого способа общения. При этом и от коммуникатора, и адресата требуется строгое соблюдение норм и ценностей такого общения. В российском обществе культура директивной коммуникации (добровольное признание людьми норм и ценностей принуждающего общения, что только в приказном порядке можно поддерживать в обществе, в организации, в семье порядок) достаточно устойчива и подвержена постоянному репродуцированию; она остается базой для авторитарных тенденций в обществе. Устойчивость такой культуры проявляется в условиях, когда проблемы, в том числе межкультурные, не осознаются обществом, или когда они по тем или иным причинам не подлежат обсуждению. Директивная культура существует в пределах достаточно простых, неизменчивых, закрытых социальных систем. Она способна поддерживать социокультурный порядок при отсутствии выбора и синкретичности мира смысло-значений (замене личностного смысла различными стереотипами, мифами).

Признание различными субъектами межкультурного общения норм и ценностей скрытного воздействия формируется в ситуациях роста осознания и обсуждения социокультурных проблем. Возрастающая роль общественного мнения вызывает желание сформировать или изменить его в соответствии с интересами той или иной социальной группы, страты. Культура манипуляционной коммуникации в российском обществе, являющаяся достаточно устойчивой, проявляется в убежденности многих людей в том, что любая власть всегда обманывает, что говорить правду небезопасно, что лучше не раскрывать перед другими свои подлинные намерения. Данная культура существует как раздвоенность доверия – доверительность к сообщениям одних субъектов и недоверчивость к сообщениям других. При этом доверительность и недоверчивость основываются не на понимании сообщений, а на авторитете коммуникатора.

Манипуляционная коммуникация в межкультурных отношениях

способна на какое-то время поддерживать социальный порядок путем подмены подлинного понимания проблем людей другой культуры их поверхностными представлениями. Возможности манипуляционной культуры достаточно ограничены; они определяются мерой диссонанса между сформировавшимися мнениями и новой информацией. Манипуляция теряет свою эффективность, если обнаруживается, что субъект имеет дело именно с манипуляцией; она становится неэффективной по мере становления автономности личности. Осознание подлинных личных и групповых интересов, в том числе интересов других социальных групп, способность выражать и отстаивать свои и чужие интересы ограничивают возможности культуры манипуляции.

Культура толерантности принципиально отличается от культуры директивной и манипуляционной коммуникации – признанием за каждым субъектом права на существование собственного мнения, интересов, убеждений. Данная культура является метафизической в том смысле, что основана на непризнании норм и ценностей директивной и манипуляционной коммуникации. Признавая право на существование собственного мнения, участники коммуникации не признают за кем-либо права на директивное или манипуляционное воздействие. Отказ от принуждающего (открытого или скрытого) становится активной коммуникативной позицией субъекта. Толерантность в межкультурном общении является преимущественно односторонним (не предполагается обязательное обратное коммуникативное действие), асимметричной (интерпретации коммуникатора более важны, чем интерпретации адресата), неравноправной. Терпимость может быть снисходительной, она распространяется, как правило, на культуры определенных меньшинств. Терпимость может быть и нормативной: главное – соблюдение коммуникативной дистанции, но не межкультурное сближение. Межкультурная толерантность может существовать лишь в тех пределах взаимной толерантности. Быть терпимым к нетерпимости невозможно, поэтому терпимость заканчивается там, где начинается нетерпимость. В этом и состоит предел толерантной коммуникации, за которым находится интолерантная коммуникация.

Нормы и ценности межкультурной толерантности традиционно присущи российской ментальности. Они проявляются и в межэтническом, и в межконфессиональном общении, в общении поколений, в семейном общении. Эта культура является основой для противодействия разжиганиям чувств ненависти, нетерпимости, экстремизма. Но при всей важности и востребованности культуры толерантности, сама по себе она, без диалога, не нацелена на решение проблем общества. Толерантность на любом уровне – снисхождения, безразличия, уважения к чужой позиции – сама по себе еще не предполагает взаимопонимания, доверия, сотрудничества, хотя и является для этого необходимой предпосылкой. Терпимость как расширение собственного опыта представляет собой, по сути, способом перехода к следующему уровню социокультурной коммуникации – диалогу. Поэтому, в отличие от политики мультикультурализма, признающей культурное

разнообразии общества, базой российской цивилизации должна быть в современных условиях культура диалога. Не просто признание невмешательства в другую культуру (что также очень важно и, безусловно, необходимо), а нормы и ценности *взаимопонимания*, на этой основе – взаимного *доверия* и *согласия* между представителями многообразных культур – в этом заключается будущность российской цивилизации. В отличие от иных способов коммуникации, у диалога нет пределов функционирования, поскольку он рассчитан на взаимное содействие, направлен на «расширение горизонта» в мировосприятии друг друга.

Современное общество, в том числе российское, становится в социокультурном плане и более сложным, и более проблематичным. Сложность обусловлена не количеством культур, а уровнем их организованности. Тенденции культурного однообразия и разнообразия общества – показатели его упрощения и «механистичности»; становление культурного многообразия общества свидетельствует о повышении его сложности и «органической» самоорганизации. В то же время возрастающая социокультурная сложность порождает неочевидность будущего общества. Воспроизводство общества в условиях становления его сложности и неочевидности его будущего обуславливает необходимость в межкультурных взаимодействиях, нацеленных на непрерывный поиск решений новых социокультурных проблем.

Поэтому вполне понятен растущий интерес к диалогу как способу понимания и объяснения совершающихся и становящихся социокультурных процессов. Именно в диалоге заложена возможность управления динамическим социальным равновесием, в сотворении, созидании социального порядка посредством решения существующих и возникающих проблем. Изобретение социокультурного мира «впервые» возможно на основе взаимного содействия субъектов, использовании их ресурсов и их равноправного общения.

Интерес к диалоговой коммуникации, возрастающий в последнее время, сопровождается обращением к творчеству Э. Гуссерля, К. Ясперса, М. Бубера, М. Хайдеггера, С.Л. Франка, М.М. Бахтина и других. В XX веке теория диалога неразрывно связана с творчеством немецкого философа М.Бубера (диалогическая онтология человеческого существования изложена им в книге «Я и Ты») [8;9]. М. Бубер исходил из двойственного отношения человека к миру – «я – оно» и «я – ты». «Я – оно» является восприятием окружающего мира как безличных вещей и людей, предназначенных для использования и контроля. «Я – ты» – это восприятие окружающего мира не как объекта, а как субъекта. Понимание диалога как коммуникации «я – ты» легло в основу исследований многих авторов. В отечественной философии и культурологии идея диалога нашла творческое развитие в работах М.М. Бахтина, который понимал культуру как диалог культур, как форму общения людей разных культур [3]. Идея диалога культур М.М. Бахтина продолжена в работах В.С. Библера, в которых культура рассматривается и как форма общения людей разных культур, и как механизм самодетерминации

личности, и как форма обретения, восприятия мира впервые [5; 6; 7].

Диалог как форма социокультурной коммуникации направлен на то, чтобы социальные системы, личность и культура не только «разговаривали» на равных, но стремились постичь смыслы, заложенные в Другой культуре, Другой личности, Другом социуме. Диалог не исключает, а предполагает многообразие мнений, знаний, смыслов и значений. Поэтому в диалоге всегда будут противоречия, недопонимание, несогласия, но главное его отличие – это установка на взаимопонимание, доверие и сотрудничество.

В диалоге существуют различные уровни его зрелости. Зрелость диалога определяется характером интенций коммуникативных действий его субъектов и способом их взаимосвязи.

Первый, самый простой по своему содержанию, уровень диалога отличается установками субъекта рассматривать Другого как субъекта лишь в рамках общности знаний, мнений, ценностей, норм. За пределами эгоцентризма Другой становится *объектом* для назиданий, поучений, наставлений. В учебном процессе такой диалог носит форму «вопрос – ответ». Именно так выглядит сократический диалог: в центре диалога – сам Сократ, а ученики нужны для того, чтобы опровергнуть их знания и мнения, не соответствующие взглядам Сократа. Коммуникация в таком случае оборачивается разновидностью директивной коммуникации в обличье диалога.

Второй уровень диалога характеризуется тем, что субъект рассматривает «Другого» также в качестве объект при этом Другой считал себя субъектом, выражающим собственные, субъектные, но на самом деле мнения и знания первого субъекта. Субъектность Другого признается только в рамках этого тождества. В учебном процессе, в проповедях, политической пропаганде и других видах речевой коммуникации подобный диалог нацелен на то, чтобы другой считал знания и мнения коммуникатора собственными, воспринимая себя не объектом, а субъектом. Коммуникация в подобном случае предстает как манипуляция в обличье диалога.

Третий уровень диалога характеризуется признанием субъектности одной или обеих сторон, не дополняющимся стремлением к поиску общих смыслов, значений, знаний. Признание прав Другого на собственную точку зрения неразрывно от такого же признания прав всех участников коммуникации. На практике это то, что называют обменом мнениями. Подобный диалог не обязывает разделять другие точки зрения, знания, верования, или искать общие точки соприкосновения между ними. Такую коммуникацию можно назвать толерантностью в обличье диалога.

Четвертый уровень диалога характеризуется тем, что субъектность участников коммуникации является основой для производства *новых смыслов и значений*, которыми не владела до диалога ни одна из сторон. В отличие от предыдущих уровней, целью этого уровня диалога являются не просто обмен знаниями, мнениями, смыслами, а то новое, что может быть извлечено из самой коммуникации. «Новое» означает, что мнения и знания субъектов на этом уровне не сводятся к их сумме (тем более не сводятся к

знаниям и мнениям только одной стороны); они образуют нечто большее, обладающее принципиально новыми (эмерджентными, неаддитивными) качествами. Именно в этом смысле диалог в его совершенной, идеальной форме – это не просто встреча разных суждений, это процесс создания нечто *нового*.

Если рассмотрим практику межэтнических, межконфессиональных и иных межкультурных коммуникаций, то в «чистом» виде не найдем ни один из перечисленных уровней диалога. Преобладание того или иного уровня межкультурного диалога зависит от того, в какой мере конкретное социальное пространство является культурно многообразным, или, наоборот, культурно разнообразным. Культурная замкнутость этнических, конфессиональных, поселенческих и иных сообществ в лучшем случае обуславливает взаимную толерантность, а в худшем случае – одностороннюю или взаимную, открытую или латентную нетерпимость. Наглядным примером являются конфликты и напряженная ситуация, связанные с этнической и конфессиональной анклавизацией городов, сел, регионов.

Что касается *культурно многообразных* социальных пространств, то межкультурное общение может осуществляться преимущественно в виде толерантности, перерастающей в диалог. В культурно многообразных пространствах доминируют нормы и ценности доверия, понимания и согласия. Принято «правильнее» доверять, чем не доверять; действовать на основе согласия, нежели отказа; на основе взаимопонимания, нежели взаимного заблуждения. Культура доверия, понимания и согласия обращает всякую полемику, дискуссию, спор в диалог, а не в разногласие, не в стремление непременно одержать победу. Эта культура коммуникации формирует активную, вырабатывающую собственное мнение общественность, а не всеядную публику.

Межкультурный диалог, как отмечалось выше, отнюдь не предполагает полного взаимопонимания, доверия и согласия (иначе не было бы необходимости в диалоге). Исходным пунктом межкультурного диалога является обнаружение различий, несходства точек зрения. Первый шаг диалога – постановка проблемы – это получение знаний о предмете непонимания, недоверия и несогласия. Второй шаг – поиск общих позиций, определения ситуации, угроз и возможностей. Третий шаг – поиск не просто общих, но новых ответов на проблемы в межкультурных отношениях. Межкультурный диалог обеспечивает достижение взаимопонимания не как финальный результат, а как предпосылку к новому диалогу.

По сути, диалог представляет собой творчество, созидание такого знания или мнения, которого до диалога ни у одного участника еще не было. По-другому, диалог – это продуктивная форма общения. Здесь уместно будет обратиться к воззрениям Э. Фромма о продуктивной (плодотворной) ориентации и Ю. Хабермаса о коммуникативном действии, отличном от стратегического, нормативного и драматургического действий.

Продуктивность диалога проявляется в разных ракурсах – в научных

открытиях, художественных достижениях, нравственных творениях. Диалог является коммуникативным механизмом развития не только духовной, но и экономической и политической культуры общества. В рамках социологического анализа важно отметить такой аспект продуктивности диалога, как социально-созидательный. На основе взаимопроникновения и взаимообогащения этнических, конфессиональных, региональных, поселенческих, профессиональных и иных культур формируется новое, общее культурное пространство. Культура является ядром общества, общностей людей, тем, на чем держится социальный порядок и менталитет. Новое же культурное пространство становится базой новых социальных общностей. М.С. Каган понимал диалог не только как соприкосновение мыслей, идей, мнений и знаний, не только как беседу равных в рамках целого. Он, усматривая в диалоге сущностную характеристику общения, отмечал его следующую черту: «В процессе и в результате общения происходит отнюдь не обмен идеями или вещами, а *превращение состояния каждого партнера в их общее достояние*. Общение порождает общность, а обмен сохраняет обособленность его участников» [13, С.150].

Любая общность людей базируется на общности культуры. Становление новых социальных общностей и основывается, и сопровождается формированием новой культуры. Диалог на основе взаимопроникновения культур превращает совокупности людей, совокупности различных социальных групп в их общности. Он, создавая новые общности (назовем их как интеркультурные), отнюдь не уничтожает «старые». Более того, в результате межкультурного диалога происходит развитие этнических, конфессиональных, региональных, поколенческих и иных культур. Изоляционизм, обособленность культур в условиях культурного разнообразия или однообразия неизбежно ведет к их архаизации и деградации. Межкультурный диалог же, как не только открытие иной культуры, но и как создание новой культуры, предполагает не только и не столько сохранение, сколько развитие языков, традиций, искусств разных народов и цивилизаций. Межкультурный диалог есть путь не к упрощению, унификации, универсализации (в том числе глобализации) культур, а к становлению их сложности, многообразности, уникальности. Именно сложность, многообразность, уникальность культур является ресурсом развития и мирового сообщества, и общества, и различных социальных общностей.

В основе формирования новых социальных общностей также находится осознание различными социальными группами общности проблем и общего понимания путей их решения. Господство представлений о том, что та или иная социальная проблема имеет отношение только к собственной группе, или только к другой группе, - это признак социокультурного разнообразия и разобщенности.

В опросе 2021 года¹ нами поставлена задача определения ресурсов для диалога по проблемам этносов. Один из вопросов был сформулирован следующим образом: «*Каких национальностей касаются, на Ваш взгляд, перечисленные проблемы?*». Молодым респондентам предложено определить свои представления о том, людям каких национальностей относятся такие социальные проблемы, как бедность, состояние здоровья, сокращение численности населения, уровень и качество образования, безработица, угроза исчезновения языка народа. В качестве вариантов ответов были предложены формулировки «они касаются людей только моей национальности», «они касаются людей некоторых других национальностей» (представления о этнической обособленности проблем), «они касаются людей и моей, и других национальностей» (представление об надэтнической общности проблем). В таблице приведены данные опроса по 8 регионам страны, различающимся по своему этническому составу (в %; в таблице не указана доля респондентов, затруднившихся ответить).

Таблица 1

Представления молодежи об общности и обособленности проблем этносов

Проблемы...	<i>угрозы исчезновения языка народа</i>	<i>сокращен ия населения</i>	<i>беднос ти</i>	<i>состоян ия здоровья</i>	<i>уровня и качества образования</i>	<i>безрабо тицы</i>
«Они касаются людей только моей национальности»						
Республика Башкортостан	18	13,2	15,6	13,8	14,9	14,7
Республика Татарстан	7,7	4,4	6,8	3,9	6,0	5,4
Белгородская область	17,2	11,4	13,4	11,6	13,4	12
Алтайский край	5,4	5,5	6,3	5,3	7,4	8,4
Республика Алтай	5,4	3,4	2,9	2,9	4,6	4,3
Тюменская область*	9,9	9,9	11	9,1	11,7	10,2
ХМАО, ЯНАО**	14,6	14,3	14,5	13	13,3	14,1
Всего по регионам	11,0	9,3	9,6	8,8	10,4	10,2
«Они касаются людей некоторых других национальностей»						
Республика Башкортостан	28,6	27,4	13,2	12,1	14,3	13,8
Республика Татарстан	27,5	20,5	11,7	8,1	12,2	8,8
Белгородская область	36,2	23	12,4	10,8	11,8	11,4
Алтайский край	32,5	19,2	6,8	6,4	7,6	5,2
Республика Алтай	28	19,4	12,3	10,9	12,3	9,4
Тюменская область	32,8	25,3	13,3	14,6	13,4	12,4
ХМАО, ЯНАО	34,8	39	15,9	16,6	18,3	31,3
Всего по регионам	31,3	26,2	18,6	11,6	13,3	14,7
«Они касаются людей и моей, и других национальностей»						
Республика Башкортостан	33,7	39,4	54,3	56,0	52,6	54,4

¹ Здесь и далее приводятся данные анкетирования в октябре-ноябре 2021 года респондентов в возрасте 16-30 лет в рамках реализации проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности». N=5000. Выборка квотная по регионам, по муниципальным образованиям с последующим случайным отбором. Ошибка выборки – 3%.

Республика Татарстан	38,5	41,6	57,5	61,9	56,1	60,7
Белгородская область	28,4	49,8	67,8	65,6	63,8	65,6
Алтайский край	29,9	46,0	69,9	69,2	63	66
Республика Алтай	41,7	45,7	66	68	61,7	66,6
Тюменская область	21,9	35,5	53,2	51,8	49,4	54,1
ХМАО, ЯНАО	23	22,9	50,1	48,2	56,3	33
Всего по регионам	30,1	37,7	59,7	58,2	54,3	54,2

*Без автономных округов

**Ханты-Мансийский автономный округ - Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ

Первые две проблемы – угроза исчезновения языка народа и сокращение численности населения – в большей мере этнически фокусированы, нежели проблемы бедности, безработицы, качество и уровень образования, состояние здоровья. Угроза сохранения языка, действительно, неодинакова для разных народов – носителей исчезающих, миноритарных и мажоритарных языков. Однако она реальна в той или иной мере для всех языков, в том числе для русского языка, испытывающего невиданную интервенцию англицизмов, особенно в области терминов информационных технологий, экономики, политики. Но уровень угрозы для сохранения языков и осознание этой угрозы (особенно – в молодежной среде) не всегда релевантные. Более четверти молодых респондентов затруднились ответить на этот вопрос, что является косвенным признаком неполного понимания или осознания данной проблемы.

Меньше всего осознают языковые проблемы молодые респонденты русской идентичности. Более трети из них считает, что угроза исчезновения касается некоторых, но не русского языка. Примерно четверть респондентов признает наличие такой угрозы, относя ее и к русскому, и другим языкам. Лишь каждый десятый молодой респондент русской идентичности видит такую угрозу только для русского языка (см. табл.2).

Таблица 2

Респонденты русской идентичности (16-30 лет) об угрозе исчезновения русского языка (в %)*

Проблема угрозы исчезновения языка народа касается	только русских	некоторых других народов	и русских, и других народов
Республика Башкортостан	15,3 (18)	44,7 (28,6)	17,6 (33,7)
Республика Татарстан	6,9 (7,7)	33,7 (26,3)	30,2 (38,5)
Белгородская область	14,3 (15)	35,8 (34,6)	27,2 (27,4)
Алтайский край	4,7 (4,7)	34,7 (34,1)	28,1 (30)
Республика Алтай	5,8 (5,4)	37,4 (28)	30,1 (41,7)
Тюменская область	9,3 (9,9)	33,8 (32,8)	20,7 (21,9)
Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа	14,2 (14,6)	37,4 (34,8)	19,3 (23)
Всего по регионам	9,7 (11)	35,9 (31,3)	24,6 (30,1)

*В скобках для сравнения указаны доли респондентов всех этнических идентичностей.

Представление респондентов русской идентичности об этнически

обособленном характере угроз для языков («касается языков некоторых других народов») заметно отличаются в зависимости от того, в каком регионе – в этническом плане преимущественно однообразном (с абсолютным большинством русского населения) или многообразном – они проживают. В этнически многообразных регионах (республики Башкортостан, Татарстан, Алтай) молодые респонденты русской идентичности в большей мере видят угрозу исчезновения миноритарных языков в своем этнокультурном окружении.

Общность языковых проблем народов («касается и русского, и других языков») респондентами русской идентичности осознается в разной степени. Если в Татарстане, Белгородской области, Алтайском крае и Республике Алтай примерно по 30 процентов указанной группы респондентов считают такую угрозу общей, то в других доля придерживающихся такой оценки респондентов в других регионах заметно меньше. Такое различие не может быть объяснено таким фактором, как доля русского населения в этих регионах.

Озабоченность сохранением языка («касается только языка моего народа», «касается языка моего и других народов») выражают 41 процент респондентов русской идентичности относительно русского языка, что свидетельствует о необходимости совершенствования языковой политики и в тех регионах, в которых русские составляют абсолютное большинство.

Озабоченность сохранением татарского языка проявляет треть молодых респондентов татарской идентичности. Однако в региональном плане доля таких респондентов существенно расходится. Так, например, в Татарстане и Башкортостане такую озабоченность проявляет вдвое больше, чем в среднем в обследованных регионах – по 68 процентов молодых татар. Это не случайно, так как в этих республиках татары составляют одну из самых многочисленных этнических групп. В Тюменской области, в которой также компактно или диффузно проживают татары (в том числе сибирские татары), угрозу для сохранения татарского языка видят 31 процент молодых респондентов татарской идентичности – вдвое меньше, чем в Татарстане и Башкортостане.

Реальной угрозой исчезновения своих языков считают 45 процентов представителей коренных народов Крайнего Севера (ханты, манси, коми и другие). Видна нерелевантность реального положения дел с языками коренных народов Крайнего Севера с уровнем их осознания. Так, треть молодых респондентов из числа ханты и манси полагает, что угроза исчезновения касается языков других народов, но не их языков.

В контексте нашей главы нас больше интересует восприятие молодежью разной этнической идентичности проблемы сохранения языков не как этнически обособленной, а общей для разных народов. Именно такое восприятие языковой проблемы является основой межэтнического диалога. Молодые люди, полагающие, что угроза исчезновения языка касается не только своего народа, или, только других народов, но и всех народов, составляют в среднем в обследованных регионах 30 процентов. Общность

данной проблемы в большей мере осознает молодежь республик Татарстан и Алтай (38 и 42 процента соответственно), в меньшей степени – Тюменской области и ее автономных округов. В этнокультурном плане в более многообразных регионах, таким образом, молодежь угрозу для языков в большей степени представляет как общую, а не как этнически обособленную проблему.

Другая актуальная проблема для российского общества, имеющая свои этнические особенности, – это сокращение населения. Как известно, сокращение населения происходит естественным (повышение уровня смертности, превышение уровня смертности над уровнем рождаемости) и механическим (убыль населения в результате миграционного оттока) путем. Предметом общей, а не этнически обособленной озабоченности сокращение населения является для респондентов и русской, и других этнических идентичностей. В меньшей степени воспринимается численность населения как проблема в Тюменской области, в том числе в автономных округах. Это связано с тем, что проблема сокращения численности населения в большей мере ассоциируется с коренными малочисленными народами Севера, нежели с другими народами. Как общую проблему, касающуюся всех народов, сокращение численности населения рассматривают в разных регионах от 23 до 50 процентов молодых респондентов.

Проблема бедности еще в большей степени воспринимается молодежью как общая для разных народов (от 50 до 70 процентов в разных регионах). Особо – автономные округа. С одной стороны, в них один из самых высоких показателей доходов населения. С другой стороны, проблема бедности ассоциируется с КМНС.

Проблема безработицы представляется как надэтническая 54 процентам респондентов. Из обследуемых регионов самые низкие показатели безработицы – в Татарстане, ХМАО и ЯНАО, самые высокие показатели – в Республике Алтай; безработица в других регионах находится на уровне общероссийских показателей. Несмотря на заметные межрегиональные различия безработицы, практически во всех указанных нами регионах большинством респондентов эта проблема рассматривается как общая для разных народов. Исключение составляют автономные округа Тюменской области, в которых при высоком уровне трудовой занятости существуют проблемы с занятостью сельского населения и представителей коренных народов Севера.

Что касается таких проблем, как состояние здоровья и образования населения, от 52 до 70 процентов респондентов в разных регионах расценивают их как общие для всех этнических групп.

Приведенный анализ данных опросов среди молодежи восьми субъектов страны позволяет нам прийти к выводу о том, что существует значительный ресурс для межэтнического диалога. Видеть проблемы не только свои, но и другого – это необходимое условие для поиска общих для всех этнических групп путей их решения, для взаимопонимания, доверия сотрудничества. Межэтнический диалог возможен, прежде всего по таким

проблемам, как бедность, трудовая занятость, уровень и качество образования, здравоохранение. В меньшей степени, но все-таки такая возможность существует и в сфере обсуждения языковых и демографических проблем этносов.

Помимо общих социально-экономических, демографических, культурных проблем предметом межэтнического диалога могут и должны стать общие – на всероссийском, региональном, муниципальном уровнях – цели развития. Согласно данным нашего исследования, наиболее привлекательными для молодежи образами будущего России являются «Россия без бедности», «Образованная страна», «Здоровый народ», «Чистая окружающая среда», «Комфортные условия жизни», «Россия без коррупции», «Страна научных открытий». Респондентам также было предложено определить, могут ли выбранные ими цели развития страны (образу будущего) быть общими для разных социальных групп. В качестве таких групп были предложены «богатые / малообеспеченные», «люди разной национальности», «молодые и пожилые», «политики и простые люди».

В целом примерно половина молодых респондентов считает, что выбранные ими идеи, цели, мечты могут быть общими для большинства людей.

Рисунок 1. Оценка интеграционного потенциала общества «российской мечты»

Представления о том, в какой степени «российская мечта» может стать общим делом россиян, можно оценить двояко (как «стакан наполовину полон» и «стакан наполовину пуст»). В оценках молодых респондентов, объединительной целью идеи о будущей России могут стать не абсолютного, а относительного большинства россиян.

Наибольший интеграционный потенциал молодежь видит в сфере межэтнических отношений. По другим социальным демаркациям интеграционный потенциал идей о будущем России оценивается несколько ниже. При этом отклонение оценок респондентов различной этнической идентичности от средних значений не превышает 5 процентов. Таким образом, в представлениях молодежи этническая принадлежность меньше всего разъединяет россиян, по сравнению с их принадлежностью к разным поколениям, политическим и экономическим стратам. Рассмотрим более подробно оценки респондентов относительно возможности объединения

идей о будущем России людей разных этнической идентичности.

Таблица 3

Могут ли быть общими для людей разных национальностей идеи (мечты) о будущей России (в %)

	Регионы							Всего
	Алтайский край	Белгородская область	Республика Алтай	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Тюменская область (без АО)	ХМАО, ЯНАО	
Могут быть общими для всех людей всех национальностей страны	62,4	65,0	62,3	58,2	53,9	57,7	52,4	57,2
Отдельные, но не все идеи могут быть общими для людей разных национальностей	16,0	19,4	14,9	13,3	12,9	10,3	11,7	13,3
Эти идеи не могут быть общими для людей разной национальности	5,2	5,6	8,9	8,4	4,7	5,8	6,5	6,1
Затруднились ответить	16,4	10,0	14,0	20,1	28,5	26,2	29,5	23,3

Доля тех, кто исключает возможность объединения представителей разных народов во имя реализации идей о будущем страны, не превышает 10 процентов. Обращает на себя внимание доля респондентов, затруднившихся дать свой ответ (от 10 до 30 процентов в разных регионах). Однако в целом во всех регионах более половины респондентов не считает многонациональность страны препятствием для объединения россиян, соответственно, допускает возможность полноценного диалога о будущем страны.

Образ будущего России, который не оформился концептуально на уровне государственной политики и конвенционально на уровне общественного мнения, может и должен стать главной объединительной, движущей силой в стране в условиях новых вызовов. Как считает М.Делягин, сражения ведутся — и страшные жертвы приносятся — только за будущее: за то, что, как и для кого будет завтра. И потому главное оружие — образ будущего². Общественный диалог, в том числе межкультурный, нацеленный на конструирование образа будущего России и обсуждения путей превращения этого образа в реальность, является наиболее актуальной, злободневной задачей.

² <https://svpressa.ru/blogs/article/331092/>

Главным препятствием является, как мы считаем, незрелость в нашем обществе культуры диалога. Трудности формирования социокультурного единства, общности россиян обусловлены устойчивостью монологической культуры. В сфере управления, особенно – государственного, проявляется тенденция превращения диалога в монолог. Окончательная реализация этой тенденции неоднократно приводила страну к катастрофе [2].

В российской культуре коренится и такая характерная черта, как наделение управления «сверху» большей ценностью, чем самоуправление. В большинстве работ, в которых анализируются пути выхода из кризисных тенденций, содержатся различные рекомендации относительно того, как улучшить управление сверху: какая модель социальной и экономической политики должна быть у государства, какую идеологию власть должна предложить гражданам, как усилить или совершенствовать «вертикаль» власти и т.д. Роль государства, политической элиты, средств массовой коммуникации в преодолении социокультурного кризиса неоспорима. Но реализация различных программ, планов, проектов может быть успешной, если государство и другие социальные институты будут придерживаться режима диалога.

«Вертикальный» диалог, как свидетельствует вся отечественная история, быстро превращается в монолог (зачастую в виде имитации диалога), если отсутствует «горизонтальный» диалог. Формирование общественности, способной организовать диалог в самой себе и стать субъектом диалога с государством, является необходимым условием «вертикального» диалога.

Реформы в постсоветской России, осуществляемые под лозунгами политической и рыночной демократии, либеральных ценностей, привели, вопреки ожиданиям, не к открытости, а закрытости сферы управления на всех уровнях. Это проявляется в том, что и «сверху», и «снизу» зачастую отсутствует стремление к взаимопониманию, доверию, сотрудничеству. Управление в условиях социальной поляризации общества стало амбивалентным, демонстрируя либеральные ценности и реализуя авторитарные методы. Стремление скрыть эту двойственность породило на всех уровнях структур управления инверсию от открытости к закрытости. Закрытость управления становится одним из важнейших факторов, консервирующих кризисное состояние общества, она тем более не способна решать социокультурные проблемы общества.

Таким образом, необходимо отметить, что в настоящий момент в обществе нет полноценного диалога. Вместо него происходит процесс формирования отдельных каналов коммуникации. С одной стороны субъектами такой коммуникации выступают агенты власти (как прежние административно-бюрократические, так и вновь образующиеся), цель которых – расширение внутрикорпоративных возможностей и полномочий, с другой – потребительски настроенное население. Такая коммуникация направлена не на взаимоуважение и совместное развитие, а на прямолинейную прагматизацию отношений, выработку однонаправленных монологических

моделей поведения.

Укоренение культуры диалога произойдет не в одночасье, на это потребуется усилия не одного поколения россиян. В то же время задача преодоления разобщенности в современном российском обществе требует создания условий для диалоговой культуры не завтра, а уже сегодня. Любая культура, в том числе и диалоговой коммуникации, складывается как обобщение социального опыта, как сравнение «нового» и «старого», как определение рациональности, эффективности конкретных форм социальных взаимодействий. В нормах концентрируется тот опыт, который определяется людьми как «правильный», «нормальный», в ценностях – то, что определяется как имеющее важность, резон. Диалоговая культура формируется на основе повседневной равноправной, симметричной коммуникативной практики.

Преодоление в российском обществе разобщенности – между элитой и народом, между поколениями, между этническими, конфессиональными, региональными группами – возможно лишь через укоренение диалоговой культуры. Решение этой задачи является чрезвычайно сложным, требующим культурных инноваций на основе сохранения традиций культуры диалога.

В завершение наших рассуждений отметим, что общественный диалог, в том числе межкультурный, являясь коммуникативным механизмом сотворчества новых идей, решения новых задач, в современных условиях должен быть нацелен на общественное сотворчество не только образа будущего России, но и на основе этого образа (идеи, мечты, целей) – будущего социального устройства страны. На основе диалога формируется общность россиян не только по номинальным (история, территория, символика, гражданство и т.д.), но и реальным признакам – социальной солидарности, содействию общим делам. Именно на основе межкультурного диалога формируются надэтнические общности на уровне города и села, региона, страны в целом, не заменяя и не подменяя сами этнические общности. Более того, общественный диалог является условием и сохранения, и развития этнокультурного многообразия на микро-, мезо- и макро-уровнях социокультурного пространства. То же самое можно утверждать в отношении межконфессионального диалога. Его целью является не унификация верований, а формирование общности представителей различных конфессий, объединенных общими идеями и целями общественного развития, преодолением религиозного фанатизма и экстремизма, нетерпимости по конфессиональному признаку в любых их формах.

Общественный диалог порождает новые, интегральные социальные общности.

Библиографический список

1. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. «Коннективная идентичность» в современном мире // Вопросы философии. 2020. №4. С. 69-79.
2. Ахиезер А.С. Монологизация и диалогизация управления (Опыт

русской истории) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 24-34.

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества – М.: Искусство, 1986. – 258 с.

4. Бейтсон, Г. Экология разума: Избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии / [Пер. с англ. Д.Я. Федотова, М.П. Папуша]. - М.: Смысл, 2000. - 476 с.

5. Библер В.С. Мышление как творчество (введение в логику мысленного диалога) – М.: Политиздат, 1975. – 400 с.

6. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. - М.: Политиздат, 1991. – 412 с.

7. Библер В.С. Культура: диалог культур // Вопросы философии. 2005. №6. С. 33.

8. Бубер М. Я и Ты [Пер. с нем.] - М.: Высшая школа, 1993. – 173 с.

9. Бубер М. Два образа веры: [Сборник : Пер. с нем.] / Мартин Бубер; [Вступ. ст. Г. С. Померанца]. - М.: Республика, 1995. - 462 с.

10. Вацлавик П. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, паталогий и парадоксов взаимодействия. /П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. /пер. с англ. А. Суворовой. – М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 311 с.

11. Волков Ю.Г., Курбатов В.И., Хунагов Р.Д. Интеграция в полиэтническом обществе: пути, современные тренды и проблемные узлы // Социология. 2022. №1. С.373-388.

12. Давыдов А.П. Социокультурный раскол в современной России: в поисках «середины» // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. 1-2 (109-110). С.64-75.

13. Каган М.С. Мир общения : Пробл. межсубъект. отношений - М.: Политиздат, 1988. - 315 с.

14. Куропятник А.И., Куропятник М.С. Интеркультурализм: постмультикультурный дискурс социальной интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. 2018. Т.18. №2. С.250-261.

15. Куропятник М.С. Суперразнообразие: конфигурация культурной сложности контекстов современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. 2020. Т.20. №3. С.461-470.

16. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. № 11. 1997. - С. 46-54.

17. Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Политика интеркультурализма и возможности ее применения в России // Полис. Политические исследования. 2020. №1. С. 114-134. С.122-123.

18. Сагатовский В.Н. Социальное проектирование (к основам теории). – В кн.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. Томск. 1980. – С.84-85.

19. Управление общественными отношениями: Учебник / Под

ред. В.С. Комаровского. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 399 с.

20. Шайхисламов Р.Б. Этнокультурное многообразие и сложная этнокультурная идентичность молодежи // Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая идентичность молодежи в постсоветском пространстве. Уфа, 2021. С.6-29.

21. Шайхисламов Р.Б. Коммуникативное единство социокультурной системы. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2006. – 327 с.

Shaikhislamov Rafael Badretdinovich - Doctor of Sociology, Professor of Bashkir State University rafaelbadretdinovich@mail.ru